

Зарема Хакунова
и адыгейская женская поэзия

ШОВГЕНОВА Тамара Алиевна

*Кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник отдела литературы Адыгейского республикан-
ского института гуманитарных исследований
имени Т. М. Керашева, г. Майкоп, Россия.
Электронный адрес: shovgenova1974@mail.ru.*

Zarema Khakunova
and the Adyghe Women's Poetry

Tamara A. SHOVGENOVA

*Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian
Federation),
Leading Researcher, Department of Literary
Adyghe Republic Institute of Humanitarian Studies,
Maykop, Russia
E-mail: shovgenova1974@mail.ru*

Аннотация

В адыгейской женской поэзии обращает на себя внимание индивидуальный почерк Заремы Хакуновой. В её лирике звучит исповедующаяся женская душа со своими радостями и тревогами, надеждами и разочарованиями. Она поражает глубиной чувств и не оставляет читателя равнодушным.

Ключевые слова: стиль, женская поэзия, любовная лирика, творчество, индивидуальность, исповедь

Abstract

The individual handwriting by Zarema Hakunova is drawing the attention in the Adyge women poetry. In her lyrics sound the confessions of a female soul with its joys and anxieties, hopes and disappointments. It affects the depth of feeling and does not leave the reader indifferent.

Keywords: style, female poetry, love poems, creativity, individuality, confession.

В конце XX — начале XXI в. в адыгейской литературе проявились многие тенденции, характерные для отечественного литературного процесса в целом. «Бабский век», «бабий бунт», «женская проза», «женская поэзия» — под такими разными определениями утвердилось в отечественной литературе поколение пишущих женщин.

Само существование разнообразных мнений свидетельствует о том, что уже сформирован феномен, и пусть он будет обозначаться любым термином, главное — в литературе зазвучал женский голос со своим художественным своеобразием, исповедью, героем. Слова А. Ахматовой «Я научила женщин говорить...» пророчески подтвердились и в национальных литературах.

Вообще, что есть «женская проза», «женская поэзия»? Имеют ли право тексты, написанные женщинами, рассматриваться как самостоятельная область словесности? Выявлены ли какие-то отличительные особенности между произведениями, написанными писателями и писательницами? В ответ на многие такие вопросы-сомнения можно привести слова Л.Л. Ванеевой: «<...> женская проза есть. Она существует не как прихоть... Она существует как не-

избежность, продиктованная временем и пространством. Женская проза есть — поскольку есть мир женщины, отличный от мира мужчины» [1, с. 3]. Критик Т. Морозова идет еще дальше, заявляя, что «женской литературе принадлежит будущее, а может быть уже и настоящее» [2, с. 4].

Выделение «женской прозы», «женской поэзии» в контексте современной литературы обусловлено несколькими факторами: автор-женщина, центральная героиня — женщина, проблематика так или иначе связана с женской судьбой.

Сегодня женская поэзия со своей лирической нотой занимает видное место и в развитии адыгейского литературного творчества. В национальной критике её оценивают по-разному: «не будем думать, что это плохо, но и не задумываться нельзя о том, что это не совсем хорошо... Как бы там ни было, сегодня большинство печатающих на страницах газет и журналов стихи — девушки, молодые мамы, молодящиеся бабушки. И надо подчеркнуть, что они с завидной последовательностью отдаются этому своему любимому занятию-призванию, умножая успехи адыгейской национальной лирики», то есть присутствует «в нашей лирике какая-то крепкая, мощная философски раздумывающая женская поэзия» [4, с. 306] и «похоже, что именно женская лирика острее мужской почувствовала особую, трагическую опасность и безвольную логику драматических процессов в духовной и социальной жизни человечества в XX в. ...» [5, с. 312]. Литературовед К. Шаззо, в трудах которого адыгейская женская поэзия получила наиболее глубокое и полноценное понимание, давая оценку женским голосам национальной литературы (С. Гutowой, С. Хунаговой, Ф. Мамруковой, С. Нехай, З. Хакуновой и др.) пишет: «...душа их, сознание художественное потя-

нули к иному, к новому, неизведанному, которое оказалось в противоречии тому, что в течение многих десятилетий не давало <...> открыться ни их сердцу, ни разуму». Творчество их «пока на стилистическом и образном уровне; и что мир у них стал другим, пока не говорим, подчеркиваем, что подходы к слову и формальным его функциям в их стихотворной строке активно пробрасывают новые дороги к содержательным основам творчества, убеждая себя и других, что “вот за этим поворотом” есть иной мир, иные радости, но пути к ним тяжкие и нехоженые» [5, с. 280].

В адыгейской литературе женское творчество представлено как прозаическими, так и поэтическими текстами. В плеяде поэтесс, вступивших в национальную литературу в конце XX в., можно выделить стихи З. Хакуновой. Она вошла в историю адыгейской литературы как автор трех книг: «Розэ пльыжь» («Красная роза», 2000), сборника стихотворений в прозе и рассказов «Гум итхыпхъэхэр» («Узоры сердца», 2006), книги юмористических рассказов «Тызэгъусэу тыжъугъэщх» («Посмеемся вместе», 2014). Уже в первой поэтической книге четко проявились главные черты ее творческой индивидуальности. Исповедальный характер — особенность ее поэтического творчества. Лирическая героиня Хакуновой предстает в стихах поэтессы отражением ее судьбы, проявлением ее женской доли и женского голоса. За каждой поэтической строкой чувствуется конкретный жизненный факт, характер. Ее любовную лирику отличает глубокий психологизм. Ей удалось раскрыть самые заветные глубины женского внутреннего мира, переживаний, состояний и настроений. Все ее стихи подчинены показу как бы «изнутри» женских характеров и судеб. Главное в них — искренность. Ее стихи напоминают дневниковые записи.

Лирическая героиня стихотворений много размышляет о своей судьбе, мотивы ее одиночества часто становятся центром поэтических строк. Ее внутренний мир сложен: одновременно она плачет и смеется, обижается — прощает, оставляют — любит, одинока — надеется. В лейтмотив исповедальных признаний, заключающихся в осознании одиночества, в чувствах души, очерченных разными оттенками любви: преданностью, предательством чувств, изменой, — ей все же удастся провести «жилку» своего гордого «я», умение прощать и жить дальше («Шъхацы нальэу кыптенагъэм / Къырышлагъ уздэщылагъэр, / Ари хахъэ бдэсщылагъэм» («По волосинке, оставшейся на тебя / Поняла где ты был, / Это тоже входит в то, что я терпела с твоей стороны» [3, с. 26] — здесь и далее подстрочный перевод. — Ш. Т.). Герой и героиня оказываются по разные стороны моста любви. Мы почти «не слышим» «виновника мучений» героини, он «молчалив», ему уже чужды ее чувства, ее признания. Он живет сегодняшним чувством, привязанностью, а она с надеждой всё оглядывается на прошлое.

Почти все стихи Хакуновой о любви — это бесконечный рассказ о последней встрече: («Тызэхэк1ыжкы» («Расстаемся»), «Мэк1ожкы ш1ульэгъур» («Уходит любовь»), «Пш1ошгъ гъэхъу» («Поверь мне») и др.

Тызэхэк1ыжкы, тызэхэк1ыжкы,
Ау тиш1ульэгъуи тыгум ик1ыжкырэп.
Хэта тазфагу кытш1удэхъагъэр,
Гугъэп1э 1эш1ур тфэзылъэхъагъэр?

*(Расстаемся, расстаемся мы с тобой,
Но любовь не покидает наши сердца.*

*Кто же она, что встала между нами,
Наши сладкие мечты опутала?)*

«Тызэхэк1ыжбы» («Расстаемся») — это гимн расстающихся влюбленных. Стихотворение отличается необычайной музыкальностью, напевностью. Слова переложены в музыку, что делает их еще более народными. В лирических стихах Хакуновой часто встречаются повторы слов. (Тызэхэк1ыжбы, тызэхэк1ыжбы (Расстаемся, расстаемся), Мэк1ожбы ш1ульэгъур, мэк1ожбы (Уходит любовь, уходит»). Эти слова, да и другие, — о конце взаимоотношений, о последней встрече любивших сердец. И именно повтор слов подчеркивает в них мотив конца, создает протяжную, печальную мелодию, передает настроение тоски.

Для достижения психологической убедительности Хакунова пользуется очень емким и лаконичным художественным приемом — говорящей деталью, которая становится «знаком беды». Это зола. Слово «зола» — сгорели чувства, но огонь надежды, мольбы любви еще живут в сердце лирической героини («А я? В чем моя вина? Долго ли я еще буду мешать золу?»). Мотив любовных переживаний звучит мучительно, напряженно. Героиня осознает свое «жалкое» место, но ни в одном из стихотворений мы не видим её в гневе, злобе, насмешливой. Она и в одиночестве остается мягкой, любящей.

Поэзия З. Хакуновой глубоко индивидуалистична, в ней нет «толпы», она не пишет декларативных, больших стихов, посвященных каким-нибудь значимым общественным событиям. Автор не многословен в своих поэтических строках, но мысли, думы, заключенные в них, глубоки. Лирический сюжет стихотворений развертывается стремительно. Поэтесса в своем диалоге говорит от

первого лица, от собственного лирического «я». В форме исповеди она смогла найти свою схему словесного построения, в которой сочетаются факты жизни и мысли о них. Построение поэтической фразы говорят о стилевой монолитности текста. Простота, живость, доходчивость поэтического языка З. Хакуновой определяются в значительной степени глубоким знанием ею родного языка во всем живом своеобразии его национальных особенностей.

Без чувства времени, без тревоги за родную землю нет поэта. Таковы стихотворения «Къэлэшхом сыщыгъо-щагъэу» («Заблудившись в большом городе»), «Шъы зы къуапэ» («Есть один уголок»), в которых Хакунова выражает чувство любви к своему аулу. Она понимает: со временем много изменилось, сама «теперь ездит в аул гостьей», но душу греют воспоминания детства («место моего жительства Майкоп, Но дороже всего родной уголок»).

Философские раздумья занимают особое место в поэтическом творчестве Заремы Хакуновой. К философской поэзии следует отнести стихотворение «Усыд о?» («Что ты есть?»): поэтессе волнуют вопросы жизни и смерти, смысла самой жизни, о ее скоротечности: «Усыд о, гъаш1эр? Зэхэдз уимы1эу Зыр уибэгъаш1э. Ушгъхъасэу уи1эм, Лъэтеуцогъу Зыр имыгъафэу, Ош1ы ушгъхагъу Узэрэхъафыр» (Что ты есть, жизнь? Не разбираясь, / Делаешь одного долгожителем. / Не давая сделать первые шаги, Под предлогом, что есть ты дар временный, / Укорачиваешь жизнь другим). Всё в мире, в том числе и жизнь, имеют конец, но не может автор смириться с мыслью, что молодые могут уходить рано. Именно этот укор является предметом размышлений в названном стихотворении.

Природа является активным, действенным началом во многих стихах З. Хакуновой. Она — источник веры в

жизнь, жизненной философии поэтессы, вносит оптимистическую ноту в духовный мир персонажа, погруженного в грустные размышления о своей жизни. Картины природы органически связаны с психологическими переживаниями героя. Она является основой образного восприятия всего окружающего мира.

В стихотворении «Ильэсым иуахьтэхэр» («Времена года») время, чередование сезонов изображается в движении, в динамике («Гьогу техьагьэр мэзишк1э нэсы, / Аужы кьэк1рэм быракьыр ч1есэ». — «Отправившийся в путь через три месяца доходит, / Последний в череде уходящих оставляет флаг»).

Важна для Хакуновой и тема творчества. Стихотворение «Тхак1ом шхьпэ кьемык1умэ» («Если нет улыбки на лице поэта») о том, как она нашла себя в творчестве, и о её надеждах на обретение понимающего читателя.

Пстэуми сафэ1эпэ1асэп,
Кьахэсхыгьэр-усэ гьогу.
<.....>
Едж, тхыльеджэр, сиусак1э,
Угу рихьрэр кьыхэгьэщ.
Ськьэоштэмэ гьусак1эу,
Кьэсэгьаш1и ськьэгьэщх.

*(Не всё умею в жизни я,
Что выбрала — тропу поэзии.
<.....>
Читай, читатель, мой новый стих,
Найди в нем близкое себе.
И если я окажусь новым другом твоим,
Дай знать — озарюсь улыбкой я.)*

З. Хакунова своим своеобразным творчеством уже вписала свою страницу в историю адыгейской литературы, её женской поэзии.

Использованная литература:

1. «Не помнящая зла». Новая женская проза / сост. Л. Ванеева. М.: Московский рабочий, 1990.
2. Морозова Т. Дама в красном и дама в черном // Литературная газета. 1999. № 26. С. 4.
3. Хакунова З. И. Красная роза. Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 2000.
4. Шаззо Ш. Е. Ритмы драматической эпохи. Майкоп: Колбев М. Х., 2013.
5. Шаззо К. Г. Избранные труды. Майкоп: Адыгейское республиканское кн. изд-во, 2014. Т. 2.